

А.В. Уржа (Москва, Россия)

Представление о кратности в грамматике Ф.И. Буслаева и в современных функциональных исследованиях

Аннотация: Отправная точка исследования, результаты которого представлены в статье, – наблюдения Ф.И. Буслаева над сохранением «признака вида в отглагольных именах», связанного с реализацией семантики кратности в существительных (типа «завывание») и прилагательных (типа «бывалый»), которые современная коммуникативная грамматика называет неизосемическими, т. е. семантически «не равными» частеречному прототипу. Оригинальные наблюдения ученого рассматриваются в статье в контексте современного представления о кратности как о функционально-семантической категории, воплощаемой при помощи разнотипных средств на уровне морфологии, синтаксиса, словообразования, лексики и текста. На фоне обобщения и структурирования изученных средств реализации семантики кратности в русском языке в статье предлагаются необходимые дополнения к списку таких средств. В качестве иллюстративного материала привлечены варианты русского перевода неоднозначных в плане семантики кратности фрагментов англоязычного нарратива, и этот подход также созвучен исследованиям Ф.И. Буслаева, отмечавшего необходимость анализа переводов в ракурсе «сравнительного синтаксиса».

Ключевые слова: Буслаев, кратность, итеративность, отглагольные существительные, девербативы, перевод

A. V. Urzha (Moscow, Russia)

The Concept of Multiplicity in F.I. Buslajev's Grammar and in Modern Functional Language Studies

Abstract: The starting point for discussion in the article is the claim made by the 19th-century Russian linguist F.I. Buslajev that deverbatives preserve the category of aspect for nouns like 'zavyvanije' (howling) and adjectives like 'byvalyj' (old salt) have semantics of multiplicity. The modern Russian functional communicative grammar defines such words as non-izosemic (non-prototypical), or not equal to their part-of-speech semantic prototype. The article focuses on how multiplicity and repetition are expressed in Russian at the levels of morphology, word-formation, lexis, syntax and text. Accumulating and structuring the already studied means of expressing multiplicity in Russian,

the author adds some other means to the list. The illustrative case for comparative analysis includes fragments of Russian translations, offering different interpretations of the English narrative which is semantically ambiguous as far as multiplicity is concerned. The choice of research material was prompted by F.I. Buslajev's ideas of using "comparative syntax" in the analysis of translations.

Key words: Buslajev, multiplicity, repetition, verbal nouns, translation

Принято считать, что кратность, или итеративность событий в грамматике XVIII–XIX вв. исследовалась исключительно на морфологическом уровне, в сфере реализации так называемого «многократного вида». Например, у В.В. Виноградова в подробном обзоре истории исследования видов-временных форм глагола находим замечание: «Был период, когда форма "многократного вида" (типа *давывал, двигивал*) ставилась грамматистами в центре всей системы прошедших времен русского глагола» [Виноградов 1947: 546].

Однако внимательное чтение работ Федора Ивановича Буслаева показывает, что его подход к изучению кратности и ее реализации в языке был более сложным, комплексным, и это обусловлено двумя специфическими особенностями научного метода ученого.

Во-первых, Ф.И. Буслаев в рассмотрении лингвистических объектов не ограничивался материалом современного ему русского литературного языка, он учитывал свойства систем древнерусского и церковнославянского языков, анализируя языковое явление в диахроническом контексте, учитывая изменение его места в системе языка, сужение / расширение / видоизменение его функций. Не менее широко Ф.И. Буслаев привлекал данные современных говоров, так называемого «областного просторечия», сопоставляя реализацию той или иной грамматической категории или формы в разных сферах синхронного бытования языка. Сам он говорил об этом подходе так: «Мертвящее начало... останется в ней (грамматике. – А.У.) до тех пор, пока она не обратится к родному языку как к живому слову, вечно юному и неистощимо богатому, в его видоизменениях исторических и местных» [Буслаев 1858: V].

Во-вторых, внимание к категориальной семантике слов позволяло Ф.И. Буслаеву сопоставлять явления, формально разделяемые традиционной морфологией его времени, например, отслеживать сохранение или видоизменение семантико-грамматических характеристик в группе родственных слов, даже если они относятся к разным частям речи. И это умение преодолеть границы жесткого формального подхода в грамматике приводило ученого к нетривиальным, интересным и для нас сейчас наблюдениям и выводам.

Перечисленные выше особенности подхода хорошо видны на примере описания Ф.И. Буслаевым реализации семантики кратности – к этому вопросу он обращался в обоих основных разделах «Опыта исторической грамматики русского языка»: в «Этимологии» и в «Синтаксисе», а также в рецензиях на работы других ученых (Константина Сергеевича Аксакова, Измаила Ивановича Срезневского).

Сравнивая русский язык с церковнославянским, Ф.И. Буслаев отмечал, что первый развил так называемые однократные и многократные глагольные формы. Однократными он называл «особенные усеченные формы, которые даже внешним видом своим соответствуют мгновению действия, ими выражаемого: *глядь, хватъ*». Многократные формы типа *хаживал, говаривал, давывал, купливал* в большом ко-

личестве встречаются, по наблюдениям ученого, и в древнерусских памятниках, и в областном просторечии, «которое в этом отношении ближе к древнерусскому, чем к нашему книжному языку» [Буслаев 1858: 88]. Интересно, что и для однократных форм характерно то же распределение: слова типа *верть, сов (от совать)* ушли из книжного языка, оставшись в просторечии и в старинных памятниках. Ф.И. Буслаев выдвигает гипотезу о том, что «образуясь в своем составе», современный книжный язык уже «избегал многократных форм из стремления усвоить себе склад церковнославянской речи, в которой малоупотребительны эти формы» [Буслаев 1858: 88].

В разделе «Синтаксис» ученый объединяет однократные формы с другими, обозначающими совершение, однократность и мгновенность действия, например, *дуно, стану, приду*, а обозначение многократности относит туда же, куда и обозначение отдаленности действия (*бывал, говаривал, знавал*), возвращаясь к канонической для того времени видовой триаде: продолженному, совершенному и многократному виду.

Однако обратим внимание на следующий фрагмент из этой его работы: «Залогии и виды могут происходить от первообразных форм через существительные отглагольные (напр, *везти – воз – возить*); признак вида остается иногда в именах отглагольных; напр., *вы-ть за-вы-ва-ть за-вы-ва-ние, бы-ть бы-ва-ть бы-ва-лый пре-бы-ва-ние*) [Буслаев 1858: 84].

Здесь мы наблюдаем весьма нетривиальный для формальной грамматики ход: обнаруживая то, что он называет «признаком вида в отглагольных именах», Ф.И. Буслаев по сути демонстрирует реализацию семантики кратности в существительных (типа *завывание*) и прилагательных (типа *бывалый*), которые современная коммуникативная грамматика называет неизосемическими, или непрототипическими. Категориальная семантика неизосемических слов не совпадает с категориальной семантикой части речи, к которой они принадлежат (отсюда внутренняя форма современного термина – неизосемические, т. е. семантически «не равные» частеречному прототипу), именно поэтому слова такого типа сближаются по некоторым характеристикам с представителями другой части речи, в данном случае – с глаголами. В частности, такова характеристика способа протекания действия, одним из параметров которой является кратность. Так Ф.И. Буслаев выявляет возможность рассмотреть семантику отглагольных существительных в новом ракурсе.

В первой половине XX в. многократный вид как составляющая соответствующей категории ушел со страниц русских грамматик, убедительные обоснования для этого решения были изложены А.А. Шахматовым, Л.А. Булаховским, В.В. Виноградовым и далее.

Однако интерес к кратности (или итеративности¹) как к семантико-грамматической, а затем и функциональной категории, сформировавшей в языке соответствующее поле средств (ФСР) [Теория функциональной грамматики 1987: 126], продолжал расти, лингвистические исследования такого рода вышли на уровень синтаксиса текста [Золотова и др. 1998: 420], и в данной статье мы кратко рассмотрим трактовку кратности как функциональной категории, очертив круг средств ее воплощения, а также прокомментируем явления, наблюдаемые при реализации (или при деформации) итеративной семантики в переводе.

¹ Термины «итеративность» и «кратность» чаще всего используются в качестве обобщающих для группы значений хабитуальности, собственно итеративности, мультипликативности и дистрибутивности [см. Храковский 1989: 5–53; Плуноян 2000: 295].

Материалом нашего исследования стал корпус русских переводов англоязычных текстов. Ф.И. Буслаев писал об использовании переводного материала в изучении русского языка в книге «О преподавании отечественного языка»: «Сравнительная этимология и особенно сравнительный синтаксис постоянно применяется к переводам» [Буслаев 1844: 207]. Говоря о том, какие значения в первую очередь передаются при переводе, он сопоставлял общие понятия с «частными воззрениями и представлениями» отдельных языков, из которых переводчик извлекает универсальную семантическую составляющую и передает ее «в духе воззрений и представлений своего собственного языка» [Буслаев 1850: 48].

Обратимся и мы к такому материалу, выбрав в качестве универсальной семантической составляющей («общего понятия») кратность.

Средства выражения семантики кратности и в русском языке, и в английском языке (о переводах с которого на русский ниже пойдет речь) неоднородны. На уровне слова, предложения и текста (в обоих языках) подобные значения выражаются разнообразно, и притом нерегулярно, что становится причиной возникновения неоднозначных контекстов.

На уровне морфологии глагольные словоформы и в русском, и в английском языке нередко оказываются немаркированными относительно длительности / многократности (*Он работал на веранде. He travelled alone*), однократности / многократности (*Он приходил сюда. He called me*). Помимо ряда частных значений НСВ, которые Теория функциональной грамматики Бондарко называет итеративными способами действия [Теория функциональной грамматики 1987: 144–146], а Русская корпусная грамматика определяет как ограниченно-кратное (оно же итеративное: *Я трижды запрашивал у китайцев эту информацию*) и узуальное (оно же хабитуальное: *Олег каждый день провожает Снежану*) значения НСВ [Сичинава 2013], существуют специфические средства, например, переносное употребление формы будущего времени СВ в русском: *Выйду на улицу – мороз, зайду в дом – тоже холодно*, которые сообщают значение повторяемости предикатам с перфективной семантикой.

В ситуации, когда грамматическая форма неоднозначна, семантика итеративности в обоих языках нередко организуется и поддерживается на синтаксическом уровне при помощи сирконстантов – показателей повторяемости (*вечерами, часто, по четвергам, каждый день, often, usually, many times и т. д.*), которые классифицируются как обстоятельства цикличности, интервала, узуальности и счетного комплекса [Теория функциональной грамматики 1987: 129], а также модификаторов предиката (*бывало, ср. would, used to*). Отметим, что трактовка действия как однократного или многократного зависит также от количества и характера актантов при предикате (*Она рожала сына. – Она рожала сыновей; Она дала им банку варенья. – Она дала им по банке варенья*). Итеративное значение на синтаксическом уровне могут воплощать повторы конструкций с событийной семантикой (*Что ни повернет – все блин да пирог, блин да пирог!*).

Обширная лексическая группа слов (а именно – глаголов), в которых указание на многократность является одним из компонентов значения слова, описана в составе ФСП кратности [Теория функциональной грамматики 1987: 133–152], особое внимание ученые уделяют словообразовательным средствам, формирующим такие глаголы (например, *перезнакомиться, переписываться, повыскакивать, изломать*). Представляется, что существительные и прилагательные, реализующие семантику многократности в сочетании с событийными существительными (*ряд*

опытов, серия явлений, очередь залпов; регулярный уход, неоднократные попытки и т. п.) также могут быть рассмотрены в составе данного ФСП.

На уровне текста семантика итеративности, вербализованная как минимум один раз любым из вышеперечисленных способов, может охватывать фрагмент гораздо больший, чем одно предложение: «*Она **не раз** приходила к нам, пила чай. Смотрела в окно, играла с кошкой, рассказывала о юге...*» или «***Приму** ее под руку и волочусь, что жука. И чего сказать – не знаю, и перед народом совестно*» (М. Зощенко). Убедительным представляется замечание исследователей грамматики текста о том, что «справедливее видеть в итеративности и повторяемости не столько аспектологическую, сколько композиционно-текстовую категорию» [Золотова и др. 1998: 420].

Неоднозначность грамматических форм в отношении семантики повторяемости, а также дискретность показателей кратности, организующих текст, оказывается серьезным испытанием для переводчиков [Уржа 2016: 126–132]. Итеративные фрагменты – зона «повышенного риска», именно здесь версии интерпретаторов часто расходятся. Опираясь на неоднозначный языковой контекст, переводчик либо дополнительно вербализует, либо устраняет итеративное значение из создаваемого текста, и его решение оказывается напрямую связано с другими характеристиками нарратива, в частности, с его регистровым строением.

Рассмотрим один из подобных случаев, соотносимый с материалом, разобранным Ф.И. Буслаевым, а именно – с глагольными и неглагольными способами реализации событийной семантики в тексте. Это фрагмент из притчи Ричарда Баха «Jonathan Livingston Seagull» («Чайка по имени Джонатан Ливингстон»).

Проанализируем вначале не оригинальный текст, а самый известный русский перевод притчи, выполненный Ю. Родман:

*Подъем на тысячу футов. Мощный **рывок** вперед, **переход в пики**, напряженные **взмахи** крыльев и отвесное **паденье** вниз. А потом **каждый раз** его левое крыло **вдруг замирало** при взмахе вверх, он резко кренился влево, **переставал** махать правым крылом, чтобы восстановить равновесие, и, будто пожираемый пламенем, кувыркою через правое плечо **входил в штопор**.*

В начале фрагмента девербативы представляют нам динамичную смену событий сюжета. Безглагольные конструкции в совокупности с семантикой глаголов, обозначающих физические действия, допускают потенциальную трактовку всех событий как наблюдаемых – перед читателем проносится череда ярких «картинок». Лишь в середине фрагмента читатель понимает, что перед ним не изображение одного полета, а характеристика серии неудачных полетов Джонатана, главного героя притчи.оборот *каждый раз* действует не только проспективно, но и ретроспективно, мультиплицируя то, что уже было сказано выше, то, что изначально появилось в тексте в качестве наглядно изображенной ситуации, а затем прибавляя к ней новые, по большей части инволютивные действия героя, оформленные уже в прошедшем времени.

Сравним проанализированный фрагмент с переводческой версией М. Шишкина:

*Подъем до тысячи футов. **Вначале** предельно **разогнаться** по прямой, **потом**, продолжая работать крыльями, **нырнуть** круто вниз. **Затем, и это повторялось каждый раз**, его левое крыло **выгибалось** на взмахе, и он **начинал** быстро **вращаться** влево. **Чтобы выровняться, он выгибал** правое крыло, и тут же **начиналось** неустойчивое беспорядочное **вращение** вправо».*

В этом варианте перевода мы с самого начала имеем дело с инструкцией, планом предполагаемого полета, реализованным при помощи инфинитивов. Глаголы,

описывающие запланированные действия, еще не формируют перед глазами читателя воображаемую картину происходящего. Кроме того, любая инструкция потенциально мультиплицируема, поэтому для читателя не будет сюрпризом появление комментария «и это повторилось каждый раз» в середине абзаца.

Какие же конструкции оригинального текста вызвали подобные расхождения в русских переводах?

Climb to a thousand feet. Full power straight ahead first, then push over, flapping, to a vertical dive. Then, every time, his left wing stalled on an upstroke, he'd roll violently left, stall his right wing recovering, and flick like fire into a wild tumbling spin to the right. (R. Bach)

При отсутствии финитных форм английские конверсивы *climb, push, dive* – слова, которые могут быть переведены и как существительные, обозначающие наблюдаемые события, и как глаголы в форме инструктивного императива, в соединении с неизосемическим оборотом *full power*; позволяют интерпретировать начало этого отрывка и как серию зрительно воспринимаемых действий, и как предполагаемый план полета, даже как инструкцию.

Интерпретация события как повторяющегося или однократного напрямую связана с его регистровым оформлением [Золотова и др. 1998: 29]. Сообщая о многократности действия, говорящий суммирует и обобщает опыт наблюдения, представляет событие отстраненно, панорамно – это характерно для информативного регистра. Однократное действие (мгновенное или протяженное) может быть воплощено не только как известное (информативный регистр), но и как реально или гипотетически наблюдаемое (репродуктивный регистр). Результат выбора переводчиков – различная регистровая композиция текста, включающая или не включающая в начало фрагмента наблюдаемую «картинку».

Наряду с девербативами, неоднозначные контексты в английском языке создают конструкции с модификатором предиката *would*, который может прочитываться как показатель многократности действия (*He would go to the park*) либо как показатель оптативной или эпистемической модальности (*I would have coffee; We would come if you were at home*). Если других указаний на повторяемость события во фрагменте нет, переводчики могут испытывать затруднения с его интерпретацией. Вот пример из рассказа Р. Брэдли «The Cistern» («Водосток»), где сумасшедшая героиня рассказывает о своем детстве: *“Like when you were a child and played hide-and-seek and nobody found you, and there you were in their midst all the time, all sheltered and hidden and warm and excited. I'd like that. That's what it must be like to live in the cistern”*.

С. Анисимов в своем переводе предлагает итеративное прочтение этого фрагмента: *«Как в детстве, когда мы играли в прятки: бывало, спрячешься, и никто тебя не может найти, а ты все время сидишь совсем рядом с ними в укромном уголке, в безопасности, и тебе тепло и весело. Мне это ужасно нравилось. Должно быть, если живешь в водостоке, чувствуешь себя так же»*. М. Дронов интерпретирует тот же фрагмент, опираясь на оптативное значение *would*: *«Как в детстве, когда играешь в прятки, и никто тебя не может найти. А ты все время среди них и все видишь, знаешь все, что происходит. Вот и в трубе так же. Я бы хотела...»* Многоочие в конце фразы героини (так же как и перестановка двух последних предложений) использованы вторым переводчиком не случайно: действие, модифицированное показателем *would*, относится к будущему героини, а не к ее прошлому, как в первом переводе. И если первый перевод подчеркивает инфан-

тельность Анны, которая продолжает вспоминать о детстве, то во втором переводе речь идет о сокровенном желании героини пережить подобное еще раз в будущем, что формирует соответствующие читательские ожидания и прозрачно намекает на финал рассказа, в котором девушка «исчезнет» в водостоке. Отметим, что четыре русских переводчика разделились поровну (2:2) в выборе интерпретации.

Необычная комбинация грамматических и лексических темпоральных показателей в конструкции с *would* привела к расхождениям в переводах фрагмента романа Э. Берджеса “The Clockwork Orange” («Заводной апельсин»), при этом одно из предложенных прочтений оказалось итеративным:

A. Burgess	Pee and em in their bedroom next door had learnt now not to knock on the wall with complaints of what they called noise. I had taught them. <i>Now</i> they <i>would take</i> sleep-pills. Perhaps, knowing the joy I had in my night music, they had already taken them.
Пер. В. Бошняка	Па и ма в своей спальне по соседству уже привыкли и отучились стучать мне в стенку, жалуясь на то, что у них называлось «шум». Я их хорошо вымуштровал . <i>Сейчас</i> они примут снотворное. А может, зная о моем пристрастии к музыке по ночам, они его уже приняли.
Пер. А. Газова-Гинзберга	Пэ и Эм в своей спальне, в соседней комнате, уже научились не стучать в стену, жалуясь на то, что называли шумом. Я их отучил . <i>Теперь</i> они принимают сонные порошки.
Пер. Е. Синельщикова	Приученные предки не осмеливались стучать в стену моей рум. <i>Пусть примут</i> снотворное, если я им мешаю.

Оригинал романа Э. Берджеса интересен активным и необычным использованием дейктических показателей [Уржа 2013: 19], в частности, слово *now* может указывать как на момент воображаемой беседы с читателем, так и на любой момент или даже период в прошлом, к которому приковано внимание рассказчика. В данном фрагменте речь идет об эпизоде из прошлого: В данном фрагменте речь идет об эпизоде из прошлого: Алекс дома ночью слушает концерт для скрипки с оркестром. Глаголы в Past Perfect указывают на предшествующие события, а показатель *would* вводит действие прогнозируемое. Слово «сейчас» трактуется по отношению к моменту, о котором вспоминает герой. Именно такой вариант представляет нам перевод В. Бошняка (*Сейчас они примут снотворное*), тогда как А. Газов-Гинзберг трактует ситуацию с *would* как итеративную (*Теперь они принимают сонные порошки*), причем контекст (*Я их вымуштровал / отучил*) этому не противоречит. Е. Синельщикова в своей (достаточно вольной) интерпретации романа, напротив, заостряет внимание на конкретной ситуации.

Переводческие разночтения относительно итеративной или *не*-итеративной интерпретации предикатов могут касаться и нефинитных форм. Рассмотрим несколько примеров из переводов рассказа Э. По «Hop-Frog» («Прыг-Скок»):

*‘Your majesty cannot conceive the **effect produced**, at a masquerade, by eight chained orang-outangs, **imagined** to be real ones by most of the company; and **rushing** in with savage cries, among the crowd of delicately and gorgeously habited men and women’.*

Слово *effect* (эффект) может быть связано как с однократной, так и с многократной ситуацией (ср. *стойкий терапевтический эффект*). Ситуация, описанная в этом отрывке из рассказа «Прыг-Скок», может быть интерпретирована либо как повторяющаяся (карлик рассказывает о забаве, распространенной у него на родине), либо как однократная (герой призывает короля представить, как все

произойдет на будущем маскараде). В оригинале интересующие нас предикаты представлены причастиями II-ми (пассивными) и причастием I-м. Аналогичный русский перевод при помощи страдательных и действительного причастий создает громоздкую, неудобочитаемую конструкцию (ср. анонимный перевод в изд. «Вестника иностр. литературы»: «*Ваше величество не можете себе представить эффекта, вызванного появлением во время маскарада восьми закованных в цепи орангутангов, принимаемых большинством присутствующих за настоящих зверей и с диким ревом кидающихся в толпу нарядных мужчин и женщин*»). Используя личные формы глагола, переводчики, ориентируясь на ту или иную функцию предиката, выбирают либо настоящее время несовершенного вида (итеративная интерпретация), либо будущее время совершенного вида (однократная интерпретация предикатов), выделяя лишь одну подобную ситуацию. Ср.: «*Ваше величество может себе представить, какой эффект произведет появление на маскараде восьми орангутангов, которых публика примет за настоящих, когда они бросятся с диким визгом в толпу разряженных дам и кавалеров*» (пер. М. Энгельгардта). // «*Ваше величество не можете себе представить, какое впечатление производит во время маскарада появление восьми орангутангов в цепях, которых большинство принимает за настоящих животных и которые с дикими криками бросаются в толпу мужчин и женщин, кокетливо и роскошно одетых*» (Изд. В. Маракуева). Так же, как и в рассмотренных выше переводах притчи Ричарда Баха, первый вариант гипотетически представляет наглядную «картинку» в репродуктивном регистре, тогда как второй вариант абстрагирован от конкретной ситуации и реализует информативный регистр.

В целом, сопоставление русских переводов английского текста позволяет обнаруживать и анализировать контексты, в которых:

а) используются различные, но изофункциональные средства выражения кратности при переводе на русский язык;

б) предикат позволяет двоякую интерпретацию, и переводчики выбирают итеративное или неитеративное «прочтение» соответствующего фрагмента, задействуя средства разных коммуникативных регистров;

в) переводчики добавляют или устраняют итеративное значение, внося изменения в содержание повествования.

Анализ случаев всех трех типов подтверждает, что кратность реализуется при переводе именно как функционально-семантическая категория с обширным инвентарем разнотипных языковых средств, нередко «работающих» на уровне фрагмента текста, более крупного, чем предложение. Средством, вводящим мультипликативное прочтение фрагмента, может оказаться не только глагольная форма или сирконстант, но и девербатив, указывающий на повторяющееся действие (типа *завывание* или *бывалый*), существительное или прилагательное с итеративной семантикой (типа *серия, очередь, неоднократный, регулярный*), лексический повтор и т. п. Сопоставительный анализ вариантов перевода текста с одного языка на другой позволяет нам, с одной стороны, выявить типы средств, не включенных пока в ФСП кратности, а с другой – проследить, как семантика повторяемости интерпретируется переводчиком, взаимодействуя с контекстом.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф.И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского: [Рец.] // Отечественные записки. 1850. Т. 72. Отд. V. СПб., 1850. С. 31–58.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Т. 1. М.: Университетская типография, 1844, 335 с.

Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. Т. 1. Этимология. М.: Университетская типография, 1858. 746 с.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.

Плунгян В.А. Общая морфология. М.: УРСС, 2000. 384 с.

Сичинава Д.В. Несовершенный вид. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2013 (на правах рукописи; rusgram.ru).

Теория функциональной грамматики / Под ред. А.В. Бондарко Т. 1. Л.: Наука, 1987. 352 с.

Уржа А.В. Реализация дейктических категорий в оригинале и в русских переводах романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2013. № 3. С. 18–24.

Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2016. 352 с.

Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.

REFERENCES

Buslaev F.I. (1858) Essay towards a Historical Grammar of Russian Language. Vol. 1: Etymology. Moscow. University Press. 746 p.

Buslaev F.I. (1844) On the Teaching of the National Language. Vol. 1. Moscow. University Press. 335 p.

Buslaev F.I. (1850) “Thoughts about History of Russian Language” by I. Sreznevsky: [Rev.] *Otechestvennyje Zapiski*. 1850. Vol. 75. Dep. V. St.-Petersburg, 1850, pp. 31–58.

Khrakovskij V.S. Semantic Types of the Sets of Situations and Their Natural Classification. In: *Typology of Iterative Constructions* / Ed. by V.S. Khrakovskij. Leningrad. Nauka Publ. 1989, pp. 5–53

Plungian V.A. (2000) *General Morphology*. Moscow. URSS Publ. 384 p.

Sichinava D.V. (2013) *The Imperfective Aspect. Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar*. Moscow (manuscript; rusgram.ru).

Theory of Functional Grammar / Ed. by A.V. Bondarko. Vol. 1. Leningrad. Nauka Publ. 1987. 352 p.

Urzha A.V. Realization of Deictic Categories in the novel by A. Burgess “The Clockwork Orange” and Its Russian Translations. *The Bulletin of CIE MSU. Philology. Culturology. Pedagogics. Methodology*. 2013. No 3, pp. 18–24.

Urzha A.V. (2016) *Russian Literary Translation in the View of Communicative Grammar*. Moscow. Sputnik+ Publ. 352 p.

Vinogradov V.V. (1947) *Russian Language*. Moscow; Leningrad. Uchpedgiz Publ. 1947. 784 p.

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.J. (1998) Communicative Grammar of the Russian Language. Moscow. 524 p.

Сведения об авторе:

Анастасия Викторовна Уржа,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia V. Urzha,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
English2@yandex.ru